

УДК 339.924

Геополитический контекст развития Евразийского интеграционного проекта

ГЛИНКИНА СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА,

*д-р экон. наук, профессор, руководитель Научного направления «Международные Экономические и политические исследования», Институт экономики РАН, Москва, Россия
sveglinkina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу соперничающих между собой интеграционных проектов ЕС, США и Китая на постсоветском пространстве, реализация которых является серьезным вызовом для становления и успешного функционирования Евразийского экономического союза в составе Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России. Особое внимание уделено китайской стратегии освоения постсоветского пространства и ее новому этапу, связанному с реализацией стратегии Экономического пояса Шелкового пути.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; Программа Восточного партнерства; Экономический пояс Шелкового пути; Новый Шелковый путь; интеграция.

The Geopolitical Context of the Eurasian Integration Project Development

GLINKINA S.P.,

*Doctor of Economics, Professor, Head of the Academic Department of International Economic and Political Studies, RAS Institute of Economy, Moscow, Russia
sveglinkina@yandex.ru*

Abstract. The paper analyzes integration projects of the EU, US and China — rivals in the post-soviet space. Their implementation seriously challenges the making and functioning of the Eurasian Economic Union, which embraces Armenia, Byelorussia, Kazakhstan, Kyrgyz Republic and Russia. Special attention is focused on China's strategy of post-soviet space development and its new stage linked with the Silk Road Economic Belt realization.

Keywords: Eurasian Economic Union; Eastern Partnership Program; Silk Road Economic Belt; New Silk Road, integration.

Двадцать лет после распада СССР Россией предпринимались многочисленные (малоэффективные) попытки интегрировать в более или менее широком формате государства постсоветского пространства. И лишь в годы мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., в условиях крупных геополитических сдвигов, сразу в нескольких регионах (Европе, Ближнем и Среднем Востоке, АТР) удалось совместно с Белоруссией и Казахстаном осуществить опреде-

ленный прорыв в этом направлении. Создание Таможенного союза трех государств в 2010 г., начало формирования в 2012 г. Единого экономического пространства (ЕЭП) и, наконец, запуск 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС), к которому присоединились Армения и Киргизия, — важные этапы на пути реализации евразийского интеграционного проекта.

Активизировавшийся интеграционный процесс на постсоветском пространстве может быть

успешным лишь при условии проведения Россией и ее партнерами реалистичной политики, учитывающей многие экономические, политические, социальные и иные факторы, среди которых особое место занимает факт существования в регионе СНГ целого ряда конкурирующих между собой интеграционных стратегий и проектов. США, ЕС, Китай прилагают немалые усилия для реализации в данном регионе мира собственных геополитических и геоэкономических интересов, учитывающих огромные сравнительные преимущества региона, — сокровищницы стратегически важных ресурсов: на страны СНГ приходится 16,3% мировой территории, 5% населения, 25% разведанных запасов природных ресурсов (в том числе 7% мировых запасов нефти и 40% природного газа), 10% мирового промышленного производства [1]. Британский географ и политик Х. Маккиндер (1861–1947) в 1904 г. называл огромное внутреннее пространство Евразии осевым регионом мировой политики и истории, считая, что господство над этим пространством может явиться основой для мирового господства [2].

Европейская стратегия интеграции постсоветского пространства

После осуществления Европейским союзом в 2004, 2007 и 2013 гг. широкомасштабного восточного расширения за счет 13 новых членов, были разработаны инструменты втягивания в орбиту ЕС ряда государств — восточных соседей, среди которых: «создание, распространение и институционализация формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм, стилей, общих норм и убеждений, которые сначала закрепляются в процессе принятия решений на уровне ЕС, а затем транслируются в национальный политический дискурс» [3].

В рамках инициированной Польшей и Швецией и реализуемой с 2010 г. Программы Восточного партнерства (ВП) создаются многосторонние форматы взаимодействия ЕС-28 с Украиной, Молдовой, Арменией, Грузией, Азербайджаном и Белоруссией (с последней, правда, в урезанных форматах), а также — между названными постсоветскими государствами. Юридическая основа Программы является гораздо более прочной, чем это было в рамках существовавшей ранее Европейской политики соседства. Программа предусматривает заключение странами-участницами и

ЕС трех обязательных международных соглашений, среди которых:

Соглашение об Ассоциации (Association Agreement) — политический документ, подтверждающий готовность партнеров из СНГ придерживаться согласованной с Евросоюзом внешней политики, политики безопасности и обороны, а также принять европейскую систему ценностей. Документ определяет приоритетные области взаимодействия между ЕС и конкретной страной-партнером.

Соглашение о создании углубленных и комплексных зон свободной торговли (Deep and Comprehensive Free Trade Areas Agreements — DCFTA) — документ, определяющий перспективу экономического сближения с ЕС, в частности создание зоны свободной торговли («ЗСТ плюс»). Соглашения, как показывает опыт Грузии, Молдовы и Украины, распространяются практически на все аспекты торговли и нацелены на максимально возможную либерализацию торговых отношений, но с соблюдением асимметрии в темпах либерализации, отвечающей состоянию экономик стран-партнеров. Предусматривается сближение всех стандартов регулирования взаимной торговли (технические и санитарные нормы, требования к товарам по маркировке и упаковке и т.п.). После подписания всеми странами соглашений такого типа может возникнуть многосторонняя зона свободной торговли между ЕС и «восточными партнерами», «экономическое сообщество соседей ЕС». Главным условием начала переговоров по заключению соглашений «ЗСТ плюс» стало членство страны-партнера в ВТО.

Соглашение о мобильности и безопасности (Mobility and Security Pacts), конечным результатом реализации которого должна стать визовая либерализация со стороны ЕС, которой предшествует подписание между ЕС и каждым государством — участником ВП двустороннего соглашения об упрощении визового режима для отдельных категорий граждан, обеспечение в странах-партнерах и на границах этих государств так называемой безопасной среды.

Анализ Программы восточного партнерства, а также последовавшей практики ее реализации высвечивает конкурентную природу этой интеграционной инициативы по отношению к евразийскому интеграционному проекту [4]. Так, обязательным условием заключения углубленных соглашений о зонах свободной торговли между

«восточными партнерами» и ЕС является их отказ от сотрудничества с Россией в Таможенном союзе, что получило множество доказательств в ходе событий вокруг Украины 2013–2014 гг.

Восточное партнерство предусматривает (и это соответствует сути европеизации) **Комплексную программу по реформированию институтов (Comprehensive Institution-Building Programme)** в странах — участниках ВП. Речь идет об их серьезной трансформации, адаптации к европейским нормам по средствам так называемой гармонизации. Понятие «гармонизация» законодательства ВП трактуется органами ЕС, как необходимость согласования правовой системы этих стран с уже действующей в Евросоюзе «нормативной силой», или законодательной базой ЕС — *acquis communautaire* [5]. Фактически речь идет об односторонней политике ЕС по переносу на постсоветские страны своей нормативной базы.

Все энергетические проекты и трубопроводные маршруты в рамках Восточного партнерства носят характер альтернативных по отношению к реализуемым и планируемым российским проектам. Их главный лозунг — «энергетическая безопасность Европы», что понимается как сокращение российского присутствия на энергетических рынках стран ЕС и государств — соседей ЕС, якобы для предотвращения угрозы возможного энергетического давления со стороны России.

Потенциальное облегчение визового режима между ЕС и восточными партнерами, подписание соглашений о реадмиссии нелегальных мигрантов, а также обсуждение проектов создания единой системы пограничного контроля приводят к ужесточению пропускного режима на границах России с государствами общего соседства с ЕС. Между тем сохранение безвизового пространства дает немалые преимущества гражданам Содружества и способствует формированию общего регионального рынка труда.

Привлекательность ЕС для постсоветских государств базируется на экономической мощи Союза, на предоставлении странам права доступа для их товаров на европейский рынок, на возможности получения из бюджетных средств Евросоюза финансовых ресурсов на разнообразные программы, на перспективе свободного передвижения граждан по Европе. В сфере международной политики за пределами собственных границ ЕС эффективен, когда он может использовать свою «мягкую силу», навязывая заинтересованным

странам собственные условия присоединения к ЕС или ассоциации с ним. Складывается специфическая ситуация, когда государства постсоветского пространства, в частности участники Программы восточного партнерства, находятся и не «вне», и одновременно не «внутри» традиционной политики ЕС. При этом возникает особого рода зависимость постсоветских государств от подвешенной перед ними «морковки» в виде перспективы членства в ЕС либо (чаще) ассоциации с ним, в результате которой обещается настоящая европеизация стран-кандидатов.

В то же время Евросоюз бывает довольно слаб в отношениях с государствами постсоветского пространства, когда нужно быстро реагировать на чрезвычайные международные события и требуется отстоять мнение, отличное от позиции США по вопросу, в котором Вашингтон может быть «особо заинтересован». В таком случае для постсоветских государств Европейский союз становится «неоимперией», которой им предлагают пассивно довериться» [3].

Новый Шелковый путь как инструмент формирования Соединенными Штатами Америки особого мегарегиона Центральной Азии

Важным игроком на постсоветском пространстве являются Соединенные Штаты Америки. В июле 2011 г. они представили мировому сообществу стратегию Нового Шелкового пути (СНШП), которая должна была стать альтернативой существующим или потенциальным региональным объединениям с участием России, Китая и Ирана в Центрально-Азиатском субрегионе. Поставлена задача создания в результате объединения Центральной и Южной Азии нового мегарегиона, сплоченного на основе углубления экономических, энергетических и транспортно-коммуникационных связей между странами Центральной Азии — с одной стороны и Афганистаном, Пакистаном и Индией — с другой.

СНШП включает в себя развитие торговых связей, транспортный коридор по маршруту Центральная Азия — Афганистан — Южная Азия; запуск газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ); предусматривает энергопоставки из стран Центральной Азии в Афганистан и Южную Азию (проект CASA-1000) и др. Стратегия реализуется через страны региона, региональные экономические механизмы и

программы сотрудничества при поддержке международных организаций.

Исторически транспортная и энергетическая инфраструктура постсоветских государств ЦА была развернута на север (Россия). Очевидной задачей вновь реализуемых при содействии США проектов является разворот транспортных коридоров, линий энергопередач стран ЦА (Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана) с севера на юг (Афганистан, Пакистан, Индия).

Белый дом делает упор на поощрение как правительств, так и неправительственных организаций ряда стран постсоветского пространства (прежде всего, Таджикистана, Киргизии, Туркмении и Узбекистана) в проведении неолиберальных реформ, которые выгодны США, противодействуя при этом любым интеграционным процессам в регионе, будь то российско-центральноазиатские отношения либо увеличение иранского присутствия. Американские инициативы вносят раскол между главными претендентами на лидерство в субрегионе — Казахстаном и Узбекистаном; предлагают Казахстану — одному из трех основателей проекта евразийской интеграции — альтернативные пути интеграции; блокируют любые попытки государств Центральной Азии создать собственную субрегиональную группировку.

Соединенные Штаты Америки никогда не скрывали своего неприятия любых проектов интеграции даже с участием ограниченного числа государств постсоветского пространства, что проявилось и в связи с реализацией Евразийского интеграционного проекта. Об этом, в частности, недвусмысленно заявила бывший Госсекретарь США Х. Клинтон незадолго до своей отставки и всего за несколько часов до встречи с главой российского МИД С. Лавровым 6 декабря 2012 г. на пресс-конференции в Дублине. «Сейчас предпринимаются шаги по ресоветизации региона, — сказала она. — Называться это будет иначе — Таможенным союзом, Евразийским Союзом и так далее. Но не будем обманываться. Мы знаем, какова цель этого и пытаемся найти действенные способы замедлить или предотвратить это. Тревожит, что спустя 20 лет после постсоветской эпохи... исчезают многие из показателей прогресса, на которые мы надеялись... Мы пытаемся бороться, но это очень сложно» [6].

Очевидно, что с геоэкономической и геополитической точек зрения реализация проекта

Нового Шелкового пути, инициированная США, означает выстраивание Соединенными Штатами механизмов конкуренции с Россией, Китаем и Ираном в Центрально-Азиатском регионе. Американские эксперты в связи с развитием евразийской интеграции откровенно высказывают опасения по поводу того, что «новая авторитарная сфера влияния России» может еще больше ограничить доступ США и НАТО к морским и сухопутным путям в регионе, а «это не то, чего хотят США и НАТО» [7].

Китайская стратегия освоения постсоветского пространства

Китайское руководство в течение долгого времени признавало, что «СНГ является традиционной сферой влияния РФ, к любым внешним силам здесь Россия очень чувствительна, и КНР не является исключением. Эта реальность, — по мнению китайских специалистов, — значительно осложняла продвижение политики Китая в СНГ» [8].

КНР пристально следила за сложной и переменчивой ситуацией в Евразийском регионе, придерживаясь дипломатического курса: поддерживать прочные отношения с крупными странами СНГ и продвигаться «от ближнего к дальнему», устанавливая сначала дружественные отношения с сопредельными странами — участницами СНГ, а затем — с теми, кто имеет стратегическое значение для Китая.

Учитывая нарастающую гетерогенность постсоветского пространства, проникновение в регион сил Запада во главе с США, а также ослабление ранее доминирующего влияния России на быстро меняющуюся ситуацию в СНГ, Китай признал в начале нового тысячелетия возможным и желательным разработку многоуровневой, поэтапной и тщательно выверенной стратегии освоения постсоветского пространства. При этом провозглашалась важность осуществления активной политики в отношении стран СНГ с учетом содержания китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства [8].

Исходя из изложенного понимания китайской стороной ситуации в СНГ, а также учитывая расстановку политических сил вокруг постсоветского пространства, Китай уже в начале нулевых годов перешел к стратегии укрепления двусторонних связей в регионе, действуя точно, тщательно изучая ситуацию в каждой из стран СНГ. В результате в сфере безопасности важнейшими для

КНР партнерами на постсоветском пространстве, наряду с Россией, стали Казахстан, Киргизия и Таджикистан, в сфере экономики — Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Азербайджан, Белоруссия и Украина — страны, либо обладающие богатыми энергетическими ресурсами, либо значительным военным потенциалом, следовательно, способные сыграть важную роль в экономическом развитии и модернизации национальной обороны Китая.

Главным инструментом реализации стратегии освоения постсоветского пространства на первом этапе стала внешняя торговля. Достиженные результаты впечатляют. Так, согласно официальной статистике, в 1992 г., когда были установлены дипломатические отношения между Китаем и пятью постсоветскими странами Центральной Азии, совокупный товарооборот между ними едва достигал 460 млн долл. США. Спустя 20 лет (в 2013 г.) этот показатель превысил 50 млрд долл., т.е. увеличился в 100 с лишним раз [8]. Динамика товарооборота пяти государств ЦА и КНР представлена на рис. 1.

Существенно выросли объемы как импорта (рис. 2) из КНР в эти страны, так и их экспорт на китайский рынок (рис. 3).

Как видно из приведенных данных, за период 2000–2015 гг. доля Китая выросла как в импорте, так и (что особенно важно для постсоветских государства) в экспорте продукции в Китай. КНР стала крупнейшим торговым партнером Казах-

стана и Туркмении, вторым для Узбекистана и Киргизии, третьим для Таджикистана.

Освоение Китаем Кавказа началось с некоторым временным лагом, но и здесь к 2016 г. достигнуты серьезные результаты (рис. 4–6).

Китайская экономическая экспансия не может не вести к вытеснению России из рассматриваемых регионов, что наглядно демонстрируют данные табл. 1.

Заметен рост товарооборота Китая и с прочими государствами постсоветского пространства, в частности, с Украиной, а также с одним из важнейших участников евразийской интеграции — Белоруссией (рис. 7).

Рост доли Китая наблюдается как на канале экспортных, так и импортных операций стран (рис. 8, 9).

В структуре экспорта постсоциалистических стран в Китай преобладают минеральное сырье (либо продукты его первичной переработки) и продукция сельского хозяйства. Структура импорта диверсифицирована в существенно большей степени — на машины и оборудование в ней в 2015 г. приходилось уже от 20 до 50%, что превращает Китай в важнейшего модернизатора экономики постсоциалистических стран наряду с Европейским союзом.

Взаимная торговля между КНР и постсоветскими государствами в значительной степени

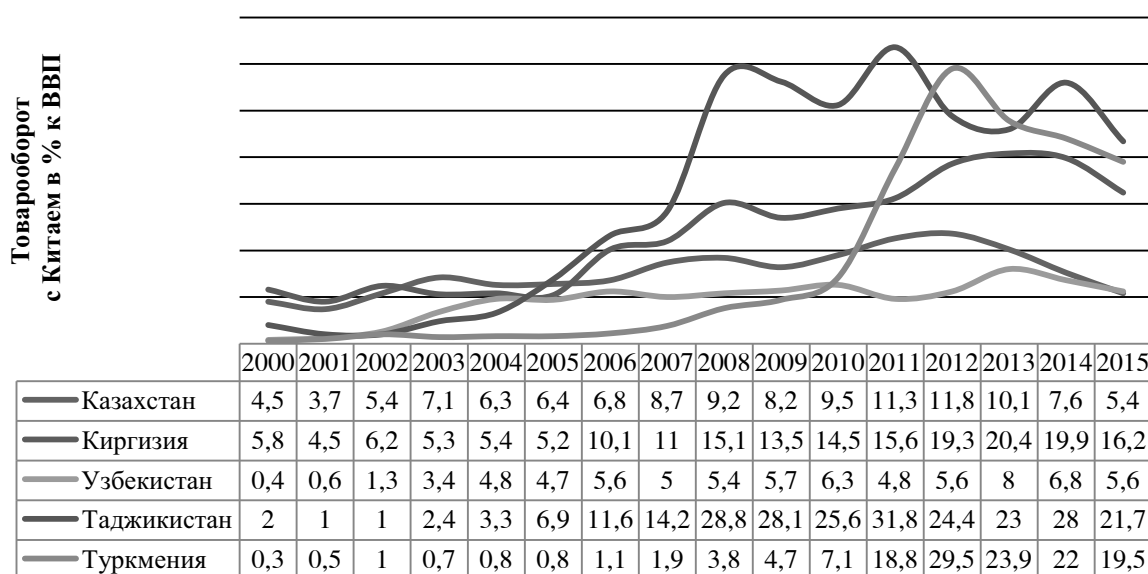

Рис. 1. Динамика товарооборота КНР с государствами Центральной Азии Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией, в % к ВВП страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data. URL: <http://comtrade.un.org/>; Worldbank. URL: <http://www.worldbank.org>.

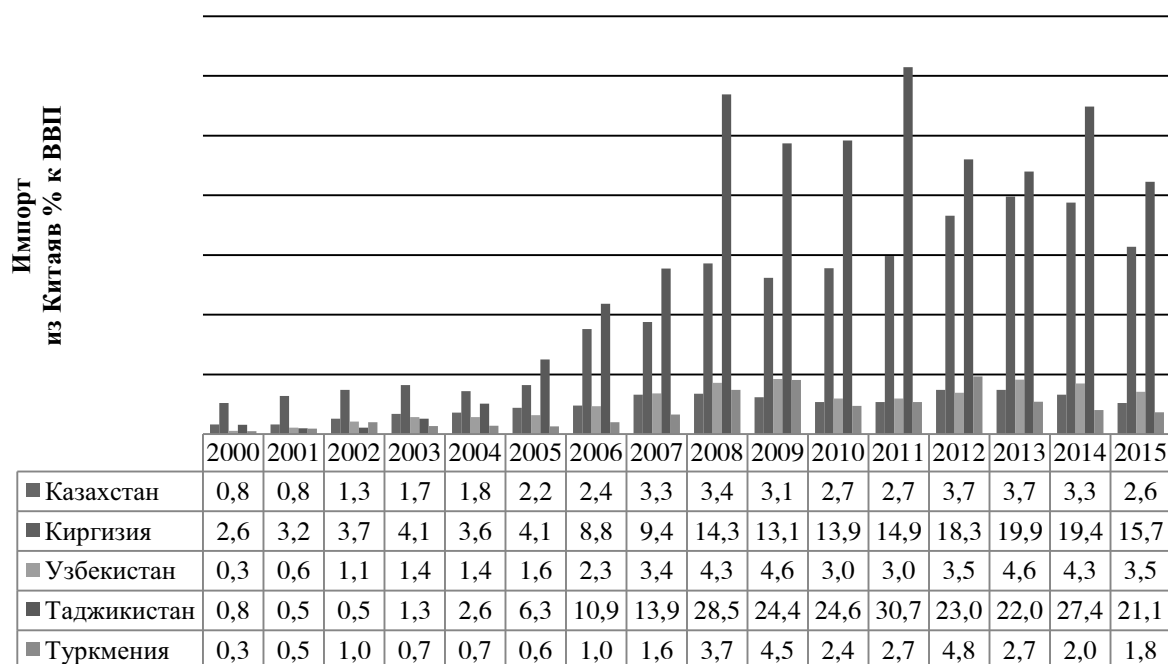

Рис. 2. Динамики импорта стран ЦА из КНР, в % от ВВП страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data, URL: <http://comtrade.un.org/>; Worldbank. URL: <http://www.worldbank.org>.

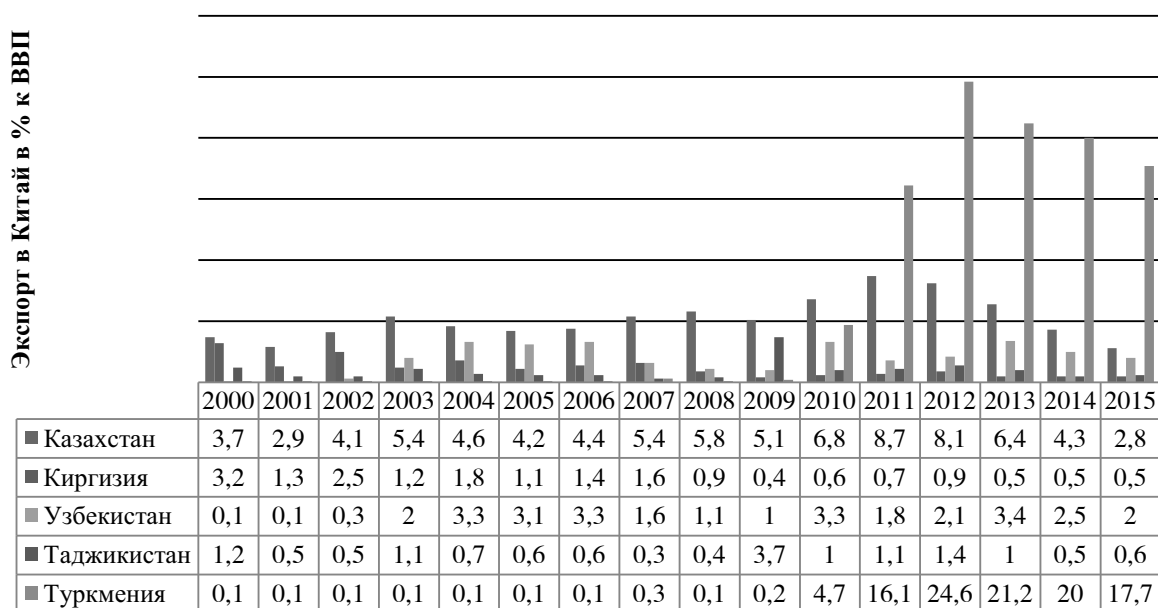

Рис. 3. Динамика экспорта стран ЦА в Китай, в % от от ВВП страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data, URL: <http://comtrade.un.org/>; Worldbank. URL: <http://www.worldbank.org/>.

базируется на торговых кредитах, предоставляемых странам китайской стороной. Вплоть до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Китай главным образом предоставлял постсоветским странам торговые кредиты и

в гораздо меньшей степени осуществлял прямые иностранные инвестиции.

Вышедший из кризиса с минимальными потерями Китай получил уникальную возможность приобрести в собственность многие объекты до-

бывающей промышленности региона. Китайские инвестиции в страны ЦА на 95–98% оказались сосредоточены в сфере добычи полезных иско-

паемых. По итогам первой (связанной с мировым кризисом) инвестиционной волны, на долю китайских компаний приходилось 20–25% неф-

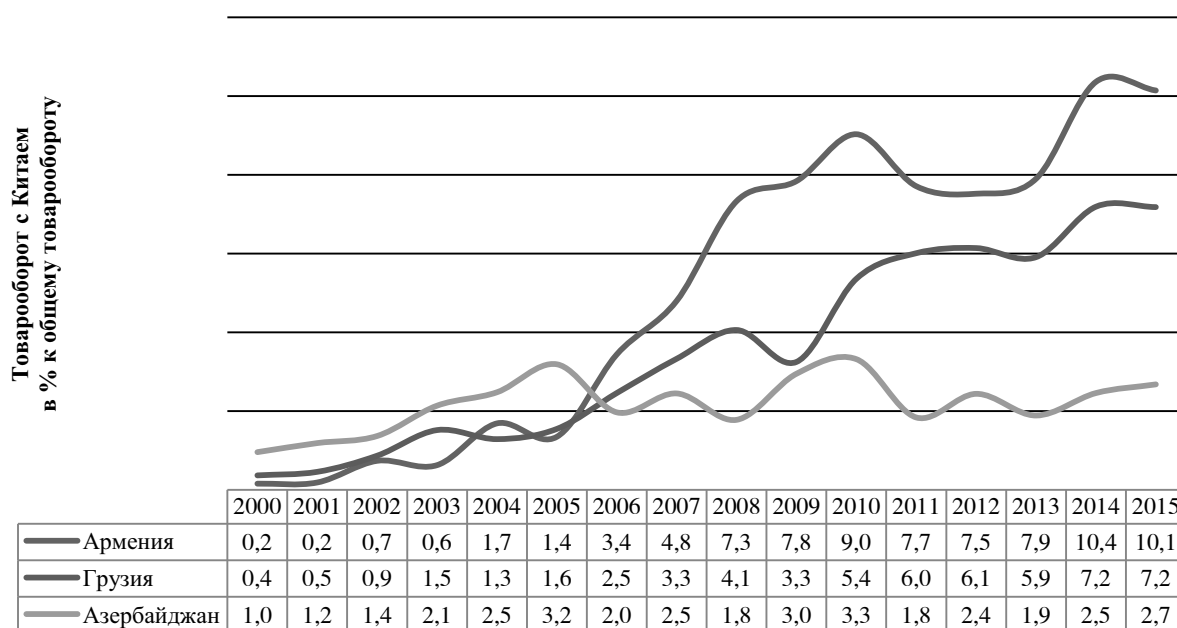

Рис. 4. Динамика товарооборота Армении, Грузии, Азербайджана с КНР, в % от общего товарооборота страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data. URL: <http://comtrade.un.org/>.

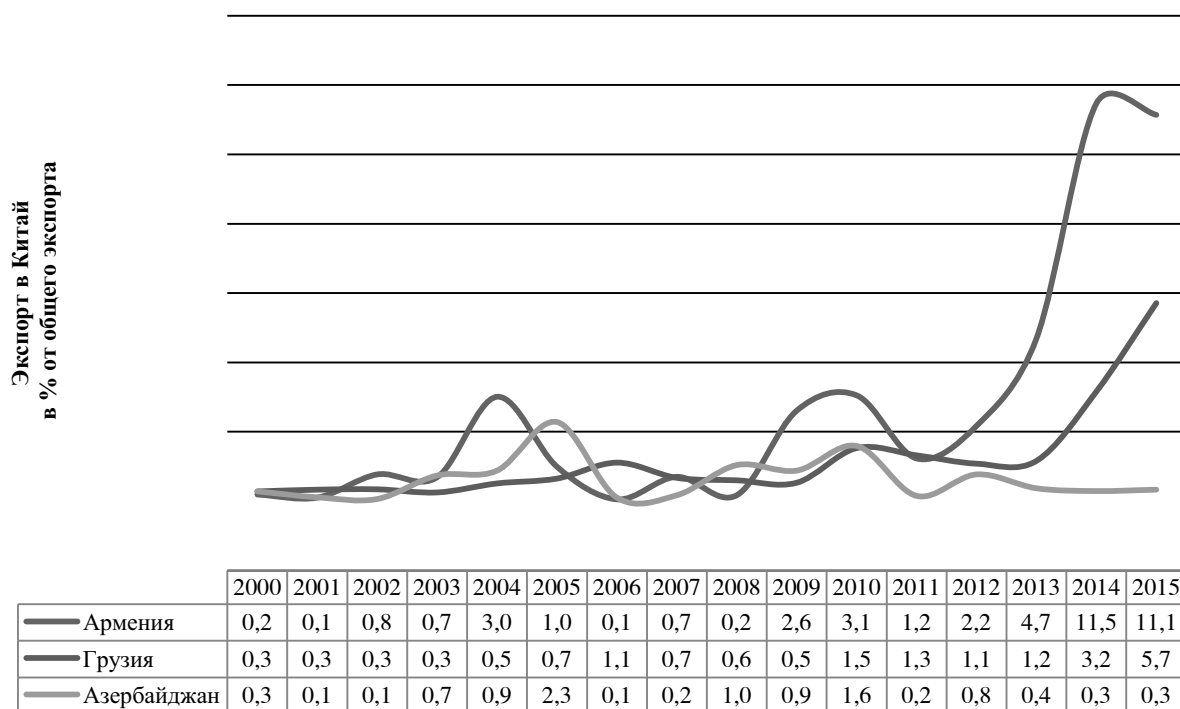

Рис. 5. Динамика экспорта Армении, Грузии, Азербайджана в КНР, в % от общего экспорта страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data, URL: <http://comtrade.un.org/>.

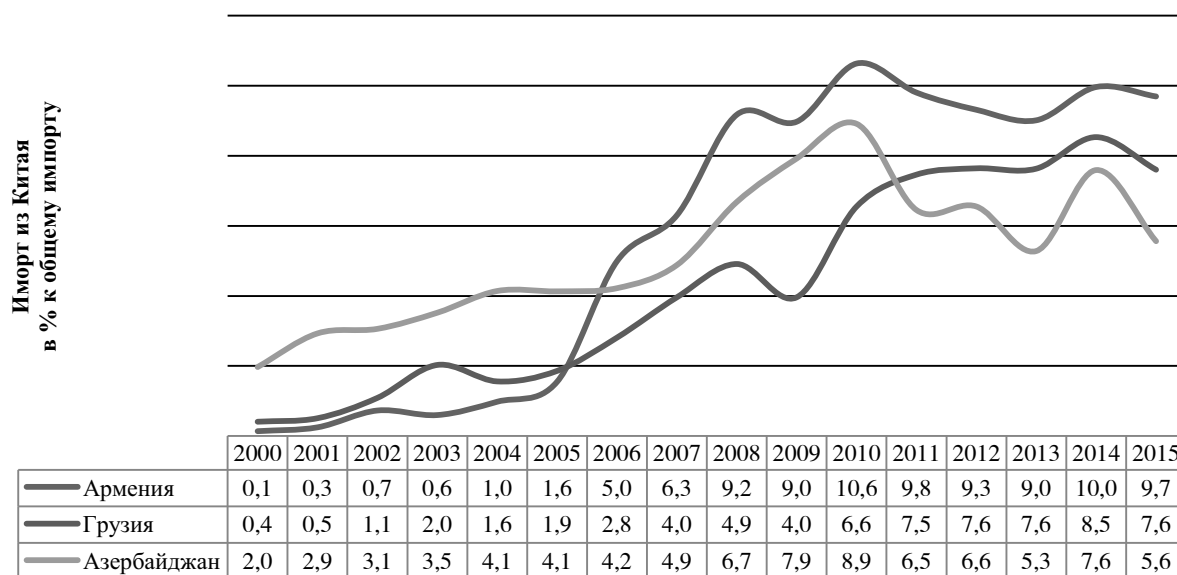

Рис. 6. Динамика импорта Армении, Грузии, Азербайджана из КНР, в % общего импорта страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data. URL: <http://comtrade.un.org/>.

Таблица 1

Поворот в торговле стран Кавказа и Центральной Азии (КЦА) от России к Китаю, % от ВВП КЦА

	2000	2012
Экспорт нефти и газа в Китай	0,3	2,6
Экспорт нефти и газа в Россию	4,6	0,2
Сельскохозяйственный и сырьевой экспорт в Китай	0,8	3,3
Сельскохозяйственный и сырьевой экспорт в РФ	4,7	0,8
Импорт готовой продукции из Китая	1,3	6,2
Импорт готовой продукции из России	14,5	8,5
Экспорт готовой продукции в Китай	2,7	3,3
Экспорт готовой продукции в Россию	5,5	3,0

Источник: World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook: Middle East and Central Asia, October 2014, p. 93.

тедобычи в Казахстане — не намного меньше, чем на долю государственного концерна «КазМунайГаз». В Туркмении Китай заменил «Газпром» в качестве основного получателя газа (61% экспорта из страны в 2014 г. направлялся в Китай). Во многом это произошло благодаря открытию в 2009 г. газопровода «Центральная Азия — Китай», построенного в основном на китайские кредиты. В настоящее время строится его четвертая ветка, которая пройдет из Туркмении по территории Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Китайская инвестиционная деятельность серьезно активизировалась в условиях, когда в результате длительной рецессии российские возможности по инвестированию в регион резко сократились. Вплоть до 2014 г. прямые иностранные инвестиции направлялись Китаем главным образом в страны Центральной Азии (табл. 2); исключение составил 2014 г. В результате к концу 2015 г. накопленные китайские прямые инвестиции в Казахстан, Узбекистан и Туркмению превысили российские в 11 раз [9].

Данные о китайских прочих инвестициях и кредитах обрывочны, поскольку многие договоренности заключаются на двустороннем уровне между китайскими государственными банками (такими как Китайский банк развития или Китайский экспортно-импортный банк) и правительствами либо государственными компаниями

постсоветских стран. Известно, что в 2014 г. первый заместитель министра финансов Таджикистана Джамолитдин Нуралиев в интервью газете *Financial Times* говорил о том, что за три года (2012–2014 гг.) Китай инвестировал в страну не менее 6 млрд долл. США, что эквивалентно двум третям ВВП и более, чем в 40 раз превышает го-

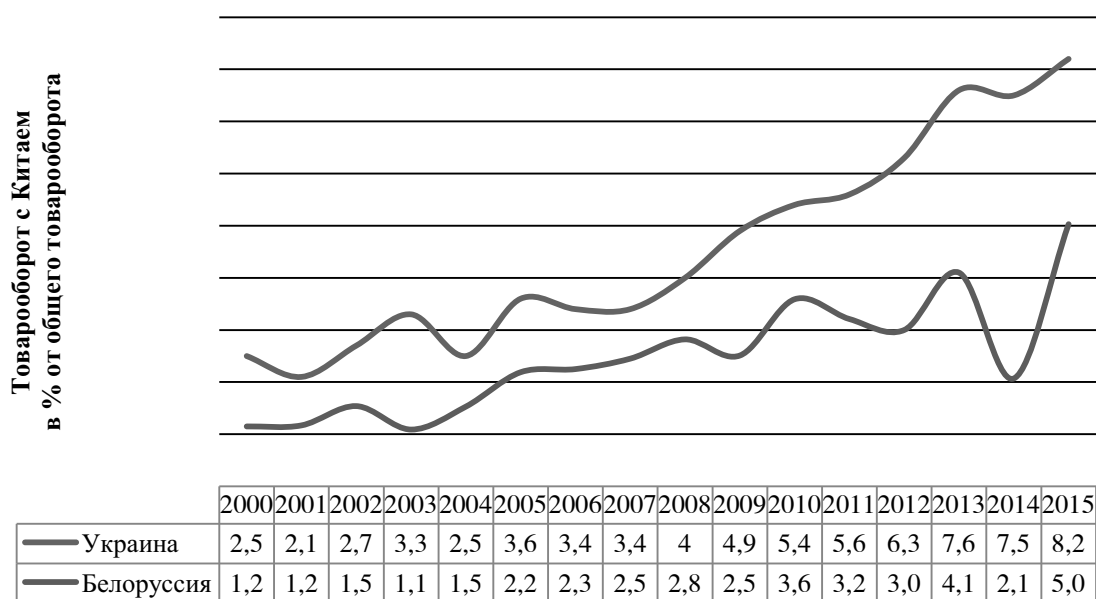

Рис. 7. Динамика товарооборота Белоруссии и Украины с КНР, в % от общего товарооборота страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data. URL: <http://comtrade.un.org>.

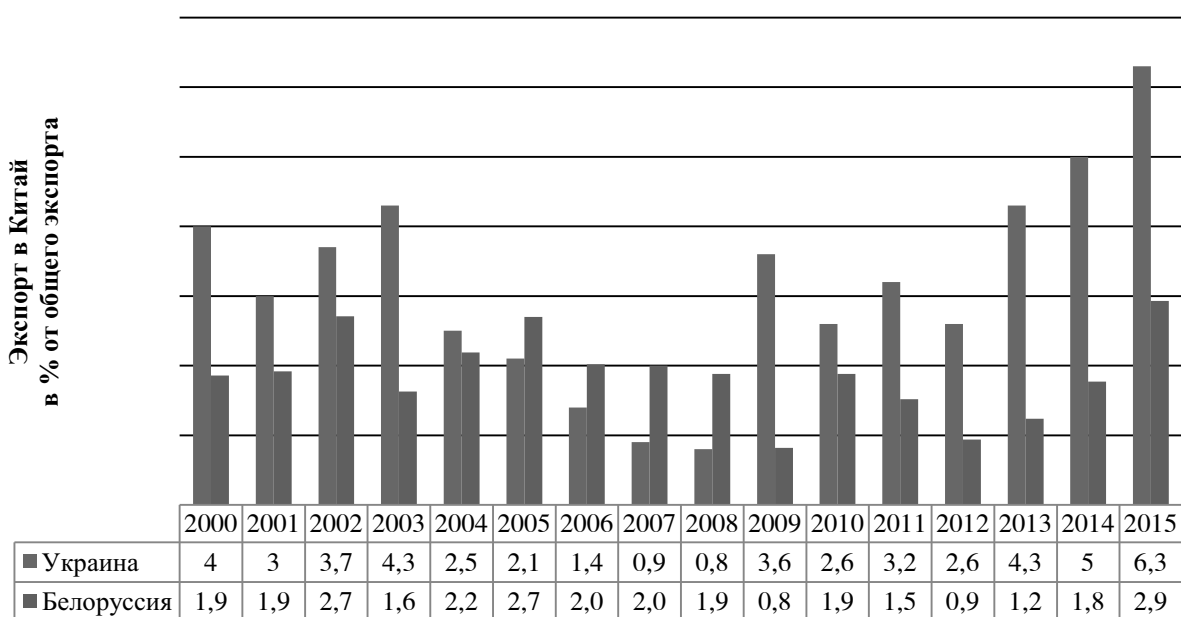

Рис. 8. Динамика экспорта Белоруссии и Украины в КНР, в % от общего объема экспорта страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data. URL: <http://comtrade.un.org/>.

Таблица 2

Приток прямых инвестиций Китая в страны Центральной Азии и Россию (млн долл. США)

Год	Казахстан	Туркмения	Узбекистан	Таджикистан	Киргизия	ЦА	Россия
2006	276,24	0,16	14,97	30,28	124,76	446	470
2007	609,93	1,42	30,82	98,99	139,75	881	438
2008	1402,30	88,13	77,64	227,17	146,81	1942	240
2009	1516,21	207,97	85,22	162,79	283,72	2256	410
2010	1590,54	658,48	83,00	191,63	394,32	2918	594
2011	2858,45	276,48	156,47	216,74	525,05	4033	568
2012	4578,23	178,25	187,23	124,4	353,47	5422	660
2013	5623,76	342,14	132,07	205,65	302,98	6706	4080
2014	4382,38	234,6	145,13	166,9	278,56	5208	8000

Источник: Ежегодный статистический бюллетень о прямых зарубежных инвестициях Китая 2015; Данные министерства коммерции Китая.

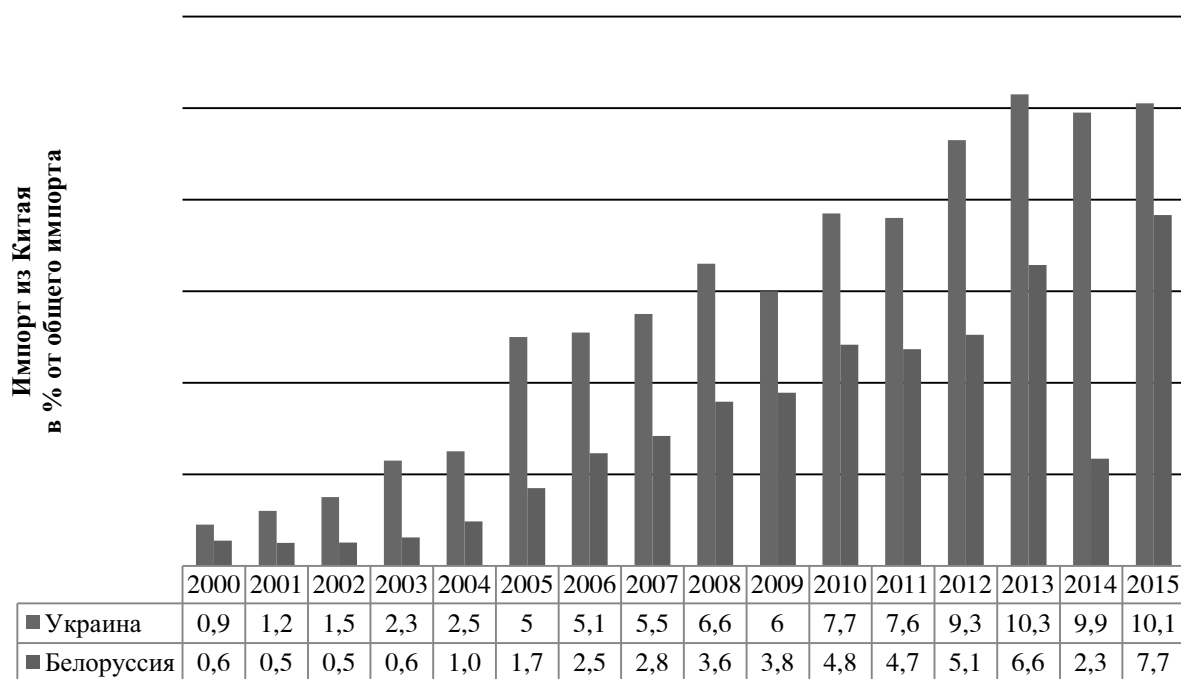

Рис. 9. Динамика импорта Белоруссии и Украины из КНР, в % от общего объема импорта страны

Источник: расчеты по данным UN Comtrade data, URL: <http://comtrade.un.org>.

довой приток прямых иностранных инвестиций [10]. Он признал, что Таджикистан может попасть в экономическую зависимость от Китая, однако руководство вынуждено пойти на эти шаги, чтобы компенсировать последствия спада в России и сокращения денежных трансфертов работающих в РФ таджикских мигрантов, объемы которых составляют порядка 45% национального

ВВП. «Мы обозначим границу (для экспансии Китая. — Прим. автора), но не сегодня. Нам необходимо уравновесить один риск другим», — заявил Д. Нуралиев [10]. В условиях резкого сокращения валютных резервов летом 2014 г. Центральный банк Таджикистана пошел на подписание валютного свопа с Народным банком Китая на 500 млрд долл. США.

Если оценить инвестиционные потребности постсоветских государств на современном этапе, то нельзя не признать, что участие Китая в их удовлетворении представляется если не решающим, то по крайней мере чрезвычайно важным. Главный экономист по развивающимся рынкам Citigroup Д. Любин считает, что действовавшая до сих пор в странах модель экономического роста исчерпана, потребности же в качественной инфраструктуре огромны. Инвестиции Китая в инфраструктуру постсоветских стран могут оказаться едва ли не единственной надеждой на восстановление последних [10].

Таким образом, провозглашению Китаем в 2013 г. интеграционной стратегии под названием Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) предшествовала многолетняя работа по формированию широких и устойчивых экономических связей между КНР и государствами постсоветского пространства, прежде всего — со странами Центральной Азии — сердцем континентального ЭПШП.

После XVIII съезда КПК (8–12 ноября 2012 г.) с очевидностью меняются внешнеполитические приоритеты Китая. В выступлениях на Рабочем совещании по периферийной дипломатии (октябрь 2013 г.) и Центральном рабочем совещании по вопросам иностранных дел (ноябрь 2014 г.) Председатель КНР Си Цзиньпин определяет китайскую дипломатию как характерную для «большого государства». Такая формулировка предполагает иной, нежели это было до сих пор, уровень ответственности и иную степень вовлеченности страны в решение глобальных проблем. При этом в списке приоритетных направлений первым теперь называется периферийная дипломатия, т.е. развитие связей КНР с соседями по региону. Ранее на этом месте были отношения с США и другими «большими государствами». В результате отношения с государствами Центральной Азии, а также с Россией становятся для Китая чрезвычайно важными.

«Эти перемены, — как считают эксперты МГИМО, — связаны... с осознанием того, что преодолеть американскую стратегию сдерживания Китая может лишь в том случае, если построит собственную сеть партнерских дружественных государств. Противовес американской стратегии возвращения в Азию Китай видит в первую очередь в „наступлении на Запад” — т.е. как раз в усилении своего влияния по маршруту „нового Шелкового пути”» [11].

Предложенная Китаем интеграционная стратегия во многих аспектах (принципы и механизмы организации взаимодействия между участниками, состав участников, финансовые возможности и др.) отличается как от Программы восточного партнерства ЕС, так и Евразийского экономического союза, формируемого пятью постсоветскими государствами. Проект базируется на стратегической координации партнеров, взаимодействие между которыми, как видно из приведенных выше данных, сложилось естественным путем. В силу этого, бумажные договоренности играют здесь не основную роль. ЭПШП — не обязательная, не принудительная схема интеграции. Участие в реализации программы добровольное. Принцип «кто не с нами, тот против нас» здесь не действует.

Принято говорить, что за интеграцию должно платить наиболее сильному участнику. Для КНР в случае с ЭПШП это не так или не совсем так. Реализация программы Экономического пояса Шелкового пути для Китая — «открытие самого себя». Стратегия предусматривает освоение и развитие западных районов страны (Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы, провинции Шэньси, Ганьсу и Цинхай) с целью обретения большей сбалансированности экономики КНР. «Открывая себя», Китай создает инфраструктурную и промышленную базу для ускорения движения вовне. На этапе достижения Китаем такой ступени развития, когда для него важнее не заманивать инвесторов к себе, а осуществлять экспорт капитала по всему миру, в том числе на Евразийском континенте, происходит переход, по китайской терминологии, от «входа» к «выходу». Инвестирование в инфраструктуру за рубежом объективно будет расширять экспортные рынки Китая, обеспечивать высокую отдачу от инвестирования золотовалютных резервов и станет дополнительным каналом интернационализации китайской валюты. Таким образом, речь идет об использовании интеграционных возможностей в интересах развития китайской национальной экономики.

Реализация крупномасштабной интеграционной стратегии позволяет Китаю решить целый ряд важных задач. Во-первых, создать современную, безусловно функционирующую транспортно-логистическую систему, которая объединит Китай и страны ЦА, обеспечит быструю и эффективную связь КНР с Африкой и Европой.

Во-вторых, постепенно должно произойти снижение, а затем и полная ликвидация торговых и инвестиционных барьеров между участниками ЭПШП. По итогам реализации проекта может быть создана масштабная зона свободной торговли от северо-западных провинций Китая, Центральной Азии до Центральной и Восточной Европы. На Саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. прозвучала идея подключения ЭПШП к более широкому проекту создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Формат ЗСТ теоретически способствует раскрытию торгового и инвестиционного потенциалов всех стран-участниц, ускорению движения капитала внутри формирующегося пространства. Однако, как показывает практика, наибольшие выгоды при этом получает сильнейший, т.е. Китай.

В-третьих, в перспективе планируется создание семи коридоров на евразийском континенте: транспортного, энергетического, торгового, информационного, научно-технического, аграрного, туристического, что существенно повысит роль Евразии в мировой экономике и политике, позволит Китаю использовать сближение стран ЦА и Кавказа с Евросоюзом для собственного выхода на рынки объединенной Европы.

В-четвертых, в ходе реализации проекта решается тесно связанная с предыдущими задачами усиления многостороннего сотрудничества в финансовой сфере, в сфере обеспечения бесперебойного денежного обращения, гармонизации валютных систем стран-участниц. В интересах решения этой задачи предполагается создать сеть региональных финансовых организаций развития и оптимизировать движение финансовых потоков, широко использовать практику расчета при реализации инфраструктурных проектов в национальных валютах. В условиях нестабильности и несовершенства существующей на сегодняшний день мировой валютно-финансовой системы такое сотрудничество может существенно облегчить положение развивающихся государств.

Китай, поставивший перед собой задачу из мировой фабрики превратиться в инновационного гиганта, для стран — участников проекта Экономического пояса Шелкового пути становится важным экспортером высокотехнологичной продукции, центром, продуцирующим модернизационные импульсы. При этом страна обладает огромными финансовыми ресурсами, которые

могут быть использованы в рамках реализуемой интеграционной стратегии. Уже сегодня, как было показано выше, Китай предоставляет значительные льготные кредиты странам Центральной Азии, в чем они жизненно заинтересованы.

В крайне сжатые сроки началось формирование финансовой базы проекта. Создан «Фонд Шелкового пути» в размере 40 млрд долл. США, а также Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с капиталом в 100 млрд долл. США. Совокупные средства этих двух финансовых институтов сравнимы с капиталом Азиатского банка развития (действующего в интересах Японии); составляют чуть менее объема средств, которыми располагает Всемирный банк, и всего в два с половиной раза меньшим капиталом, которым оперирует Международный Валютный Фонд (МВФ). Как известно, политику двух последних институтов определяют США.

Важным финансовым источником проекта становится частный капитал. Китайской стороной проведены переговоры с потенциальными частными инвесторами и достигнуты предварительные договоренности об инвестировании ими в проекты ЭПШП до 2025 г. до 8 трлн долл. США. На реализацию проекта мобилизована китайская банковская система, которая открывает специальные кредитные линии под проекты Экономического пояса Шелкового пути.

Китайская интеграционная стратегия, которая объединяет как сухопутную, так и морскую части, принимает масштабы глобального проекта, охватывающего страны, в которых проживает почти две трети жителей Земли, создается треть мирового ВВП. Речь идет главным образом о развивающихся государствах, чьи интересы слабо учитываются существующими институтами глобального управления и чей потенциал может быть существенно более эффективно использован в рамках новых моделей взаимоотношений, которые предлагает стратегия Экономического пояса Шелкового пути.

Реализация стратегии ЭПШП для Китая становится новым этапом и важнейшим инструментом осуществления государственной политики в отношении государств постсоветского пространства, на котором КНР имеет свои политические, экономические интересы и интересы обеспечения национальной безопасности. От преимущественно двусторонних связей в отношениях с государствами СНГ Китай переходит к стратегии

активизации многосторонних форматов сотрудничества, наглядным примером чего является усиление роли и значения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Китай еще в 2003 г. предложил программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС, а на второй встрече премьер-министры организации утвердили программу максимально эффективного использования региональных ресурсов на взаимовыгодной основе, содействия созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий. Однако торгово-экономические связи государств — членов ШОС вплоть до последнего времени оставались на двустороннем уровне. Китаем предпринимались попытки расширить экономическую составляющую деятельности Шанхайской организации сотрудничества, ставился вопрос о создании многосторонней зоны свободной торговли в рамках организации, Банка и Фонда ШОС, однако эти инициативы наталкивались на серьезное противодействие со стороны России. Инициатива создания ЗСТ рассматривалась РФ как заведомо проигрышная для нашей страны. И лишь на Саммитах ШОС в Бишкеке (июль 2014 г.) и в Уфе (июль 2015 г.) был достигнут исторический прорыв в этом вопросе — Шанхайская организация сотрудничества превращается в важнейший институт и инструмент реализации китайской стратегии Экономического пояса Шелкового пути. Реализация китайской интеграционной стратегии, по мнению китайских экономистов, «окажет огромное влияние на процесс экономической интеграции в рамках ШОС, поможет Китаю и далее расширять доступ на рынки СНГ, будет содействовать устойчивому экономическому развитию и создаст условия для формирования зоны свободной торговли в границах стран — членов ШОС» [12].

Какова в новых условиях судьба евразийского интеграционного проекта? Оценки экспертов разнятся от безграничного оптимизма до полного пессимизма. Китайские известные экономисты Шучунь В. и Чинсун В. признают, что «с точки зрения логики охват большого географического района и частичное дублирование функций в определенной степени определяют конкурентные отношения между двумя проектами (*ЕАЭС и ЭПШП*, ред. С. Г.). Тем не менее мы считаем, что их отношения в значитель-

ной степени будут зависеть от того, как Россия и Китаем договорятся» [12].

8 мая 2015 г. Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом России В.В. Путиным подписано Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Первым и главным пунктом документа является взаимная поддержка — Россией Экономического пояса Шелкового пути, а Китаем — евразийской интеграции. Стороны договариваются о необходимости начать переговоры между КНР и ЕАЭС о торгово-экономическом сотрудничестве.

Подписанное Президентом РФ и Председателем КНР совместное Заявление о сопряжении проектов ЕАЭС и ЭПШП пока вызывает больше вопросов, чем дает разъяснения по поводу конкретных форм сопряжения. Не до конца ясным остается и само понятие «сопряжение». В.В. Путин по итогам переговоров с китайской стороной заявил о том, что «по сути, речь идет о выходе в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающий общее экономическое пространство на всем Евразийском континенте» [13]. О перспективе создания общего пространства ШОС и Экономического пояса Шелкового пути в сентябре 2013 г. говорил и Си Цзиньпин. Однако если вспомнить ныне, видимо, похороненную идею Общеввропейского экономического пространства, решение о формировании которого было принято Россией и ЕС в 2003 г., нельзя не признать, что вопрос о содержании понятия «общее пространство» оказался не до конца проработанным даже на теоретическом уровне. ЕС настаивал на заимствовании Россией европейского законодательства, норм и регламентов, Россия же говорила о четырех свободах (свободном движении товаров, услуг, капиталов и граждан. Видимо и в случае с Китаем перспектива общего экономического пространства — дело сложное, на пути его формирования необходимо решить множество ныне непростых для обеих сторон (ЕАЭС и Китай) проблем. Так, с очевидностью, страны — члены ЕАЭС не готовы к созданию зоны свободной торговли с Китаем, о чем неоднократно применительно к себе заявляла Россия.

Россия и Китай по-разному видят механизмы сопряжения евразийского и китайского интеграционного проектов: РФ настаивает на сотрудничестве по линии КНР-ЕАЭС, а Китай считает

возможными и даже более эффективным сотрудничеством с каждым из членов Союза на двусторонней основе. Объем договоренностей между КНР и Казахстаном по сопряжению ЭПШП и казахской стратегии «Нурлы Жол» в рамках подписанного 2 сентября 2016 г. Плана сотрудничества существенно опережает практические шаги остальных участников ЕАЭС в этой сфере. Объективно возможно особенно на фоне вызывающих

озабоченность тенденций в развитии ЕАЭС (продолжающегося на протяжении двух лет функционирования Союза снижения объемов взаимной торговли и ухудшения его структуры, сокращения российских ПИИ в ЕАЭС) «размывание» евразийской интеграции, поглощение ЕАЭС восточным соседом-гигантом, усиливающим, как было показано выше, свои позиции в государствах постсоветского пространства.

Литература

1. Экономическое сотрудничество — фактор интеграции стран СНГ (Доклад национального экономического совета). Екатеринбург, 2004, с. 9.
2. Virmk. [Электронный ресурс] URL: www.virmk.ru.
3. Проект Порталус. [Электронный ресурс] URL: www.portalus.ru/.
4. Косикова Л.С. Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // Россия и современный мир. 2012. № 1 (74). С. 171–190.
5. ВШЭ. [Электронный ресурс] URL: www.hse.ru/news/recent/8385679.html.
6. Financial Times. 2012. Dec. 7.
7. RussiaPost.su. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russiapost.su/archives/1998>.
8. Шуцунь В., Чинсун В. СНГ и современная политика Китая // Свободная мысль. 2012. № 5–6. С. 80–90.
9. Ведомости. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/15/624086-kitai-predpochitaet-kazahstan>.
10. Оверченко М. Россию затягивают в пояса // Ведомости. 26.10.2015. № 3946.
11. МГИМО. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document268139.phtml>.
12. Шуцунь В., Чинсун В. Проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнёры? // Observer. 2014. № 10.
13. Президент России. [Электронный ресурс] URL: www.kremlin.ru.

References

1. Economic cooperation — a factor of integration of the CIS countries (The report of national economic council) [Jekonomicheskoe sotrudnichestvo — faktor integracii stran SNG (Doklad nacional'nogo jekonomicheskogo soveta)]. Ekaterinburg, 2004, p. 9 (In Russian).
2. Virmk. Available at: <http://www.virmk.ru> (In Russian).
3. Proekt Portalus. Available at: <http://www.portalus.ru/> (In Russian).
4. Kosikova L.S. The Eastern Partnership of the European Union with the CIS countries and interests of Russia [Vostochnoe partnerstvo Evrosojuza so stranami SNG i interesy Rossii]. *Rossija i sovremennij mir — Russia and the modern world*, 2012, no. 1 (74), pp. 171–190 (In Russian).
5. Higher School of Economics. Available at: <http://www.hse.ru/news/recent/8385679.html> (In Russian).
6. Financial Times. 2012, Dec. 7 (In Russian).
7. RussiaPost.su. Available at: <http://http://www.russiapost.su/archives/1998> (In Russian).
8. Shucun' V., Chinsun V. CIS and modern policy of China [SNG i sovremennaja politika Kitaja]. *Svobodnaja mysl' — Free thought*, 2012, no. 5–6, pp. 80–90 (In Russian).
9. Vedomosti. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/15/624086-kitai-predpochitaet-kazahstan> (In Russian).
10. Overchenko M. Russia is tightened in belts [Rossiju zatjagivajut v pojasa]. *Vedomosti — Sheets*, 26.10.2015, no. 3946 (In Russian).
11. MGIMO. Available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document268139.phtml> (In Russian).
12. Shuchun' V., Chinsun V. Projects “Economic Belt of the Silk Way” and EEU: competitors or partners? [Proekty «Jekonomicheskij pojas Shjolkovogo puti» i EAJeS: konkurenty ili partnjory?] // *Observer*, 2014, no. 10 (In Russian).
13. President of Russia [Prezident Rossii]. Available at: <http://www.kremlin.ru> (In Russian).

